

Некоторые вопросы государственно-правового статуса Подольского княжества во второй половине XIV в.

Дмитрий Ващук

Киев

Период второй половины XIV в. является значимым в истории Центрально-Восточной Европы. В это время большинство украинских земель вошло в состав Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), способствуя его преобразованию в одно из крупнейших европейских государств того времени. В новых реалиях первоочередные задачи организации государственного управления заключались, во-первых, в налаживании взаимоотношений между «новой» властью и социумом, а, во-вторых, в образовании органов власти и политических институтов. То есть происходил процесс формирования государства с учетом присоединенных территорий. Целью настоящей статьи является анализ и характеристика государственно-правового статуса Подолья в составе ВКЛ.

Историография интересующего нас вопроса довольно обширная. Однако в большинстве случаев ученые разных стран и в разные периоды обращали внимание не столько на отдельные земли/княжества ВКЛ, сколько на государство в целом. Отметим наиболее ценные, на наш взгляд, точки зрения. Самым распространенным являлось, и в некотором роде является до сих пор, мнение о федеративном устройстве ВКЛ. К примеру, один из самых влиятельных историков-литуанистов второй половины XIX в. М. Любавский отмечал: «Все другие земли, вошедшие в состав Литовско-русского государства, заняли в нем отдельное от собственной Литвы положение, как самостоятельные части государства, объединенные только в единой власти. Их государственное положение в связи с правительственным устройством их, носившим на себе печать старинной особенности и самобытности, делало их похожими на члены политической федерации»¹. Эта особенность сохранилась и в позднее время, а именно в период правления Казимира, Александра и Сигизмунда: «Литовско-русское государство и в рассматриваемое время носит федералистический характер, не

¹ Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. Москва, 1892, с. 26.

утрачивая его и в последующем, до самого конца своего самостоятельного существования»².

Подобного мнения придерживался и М. Довнар-Запольский. Указывая на особенности взаимоотношений присоединенных территорий с центральной властью, ученый утверждал, что «все государство можно признать построенным на федеративном начале, хотя и несколько своеобразном. Своеобразие этой государственной организации заключается в известного рода отступлениях от чистой схемы федеративного строя»³.

О федеративности ВКЛ писал и М. Грушевский. Он считал, что «в централизованное государство в кн. Литовское не преобразовалось ни под властью Витовта, ни в поздние времена»⁴. Кроме этого, в целом соглашаясь с выводами М. Любавского и М. Довнар-Запольского, ученый, однако, высказывал некоторые свои соображения: «Было это только сближение к федеративному устройству, а не правдивая федерация – потому, что долго, вплоть до второй пол. XVI в., не было проделанных конкретных форм ни репрезентаций земель в центральных органах, ни форм местной самоуправления, и сама центральная управа не имела характера власти избранной, членами федерации уставленной. В конце концов сама одноцельность земель была в середине разбита целым рядом новых явлений общественно-политического характера, которые прорывали все большие углубления в ее устройстве»⁵.

Не возникало возражений касательно указанной концепции и среди отдельных историков права. К примеру, Н. Чубатый также считал, что ВКЛ по форме государственного устройства было федерацией: «Федеративный характер всей земли проявляется в федерации земель мелких украинских уделов, служебных князьков, экземпт, панско-магнатских ключей, церкви, станов и городов с магдебургским правом»⁶.

Авторитетность озвученных выводов известными учеными второй половины XIX – начала XX вв. была настолько «непогрешимой», что их точка

² Любавский М. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Москва, 1915, с. 87–88.

³ Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. I. Киев, 1901 (далее – Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского), с. 85.

⁴ Грушевский М. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. V: Соціально-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV – XVII віків. 2-е вид. Київ, 1998, с. 10.

⁵ Ibidem, с. 14.

⁶ Чубатый М. Огляд історії українського права: історія джерел та державного права (Записки за викладами на Тайнім Українським університеті у Львові в рр. 1920–1923). Ч. II. 3-те вид. Мюнхен, 1947, с. 4.

зрения имеет место и в современной историографии. Литовский историк Э. Гудавичюс, поддерживая установившееся мнение о форме государственного устройства ВКЛ, отмечал: «В масштабе всего Литовского государства, начиная с XVI в., сложилась федерация земель новой сословной структуры, ядром которой были три литовских воеводства [Виленское, Троцкое и Жмудское староство. – Д. В.], обладавших явной политической гегемонией. Государство не было полностью централизовано, однако его объединяла сложившаяся единая система должностей территориального управления»⁷. В то же время, ученый высказывал мнение о том, что своими действиями во внутренней политике великий князь литовский Витовт «по сути разрушил систему удельных княжеств <...> Однако, из-за кризиса тридцатых годов XV в. на русских землях возникли апанажные владения верхушки Гедиминовичей. До 1470 г. они были уничтожены»⁸. Об автономии удельных княжеств на украинских землях в составе Литовского государства упоминала также украинский историк Е. Русина. По ее мнению, вассальная зависимость Владимира Ольгердовича, Дмитрия-Корибута Ольгердовича, Федора Любартовича и др. от литовского князя Ягайла «нашла свое внешнее отражение в «послушестве», выплате ежегодной дани и, в случае необходимости, предоставление военной помощи «господарю»; во всем другом их владения оставались практически автономными частями Литовского государства»⁹. Автономность княжеств, как считал Ф. Шабульдо, оставалась даже после упразднения удельных княжеств в конце XIV в.: «и в статусе наместничеств (воеводств) бывшие удельные княжества продолжали оставаться отдельными административно-территориальными единицами, сохранившими значительную феодальную автономию, хотя нередко с изменившимися очертаниями границ»¹⁰.

В то же время существуют несколько иные точки зрения относительно указанной концепции. Вышеуказанные выводы М. Любавского подверг критике известный историк права Ф. Леонтович. По его мнению, «о политической федерации едва ли может быть речь там, где союзное докончанье, установленное сегодня, нарушается завтра, где федеративная часть отпадает от своего целого, нередко по чисто случайным обстоятельствам, как это было обычным явлением в удельной Руси... Еще менее уместно

⁷ Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Т. I. Москва, 2005. с. 406.

⁸ Ibidem, с. 393.

⁹ Русина О. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998, с. 69.

¹⁰ Шабульдо Ф. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987, с. 103.

придавать «федеративный» характер Литовско-Русскому государству в XV и XVI столетиях»¹¹. Ф. Леонтович также говорил о том, что нельзя использовать наличие уставных земских грамот как аргумент в вопросе федеративного устройства. Внутренняя жизнь земель по этим документам осуществлялась «не в силу своей политической особенности и самобытности, не по праву земского самоуправления (политической децентрализации), а лишь в силу одного пожалования, основания самого шаткого и не прочного, которое могло быть лишено всякой силы и во всякую минуту волей той же власти, которая его создала»¹².

По мнению исследователя В. Заикина, процесс развития формы государственного устройства определяется несколькими периодами. Первый относится к временам Витовта, который «с подвластных ему земель пытался сотворить унитарное (однолитное) государство, однако, получив отпор со стороны отдельных (особенно украинских) земель, был вынужден оставить им ограниченную государственность». На втором этапе, который наступил после смерти Витовта, «объединенные им земли создали федеративное Литовско-Украинско-Булорусское Государство, под названием «Великого Княжества Литовского». Во второй половине XV в. – третий этап – «княжество превращается с федерации в государство унитарное». Именно в такой форме ВКЛ станет частью унитарной Речи Посполитой в 1569 г.¹³ Кроме этого, ученый высказал интересную мысль о последствиях Кревской унии касательно исследуемых нами вопросов: «эта связь до 1569 г. была очень слабой и имела форму то протектората польского короля над великим княжеством, то личной унии королевства и великого княжества»¹⁴.

В современной историографии критиком так называемой «федеративной концепции» является З. Норкус. Будучи сторонником одного из самых известных теоретиков государства М. Ромериса¹⁵, а также проанализировав

¹¹ Леонтович Ф. Очерки по истории Литовско-русского права. Образование Литовского государства. СПб., 1894 (далее – Леонтович Ф. Очерки по истории Литовско-русского права), с. 178–179 (ссылка 2).

¹² Ibidem.

¹³ Заїкин В. Головні моменти української державності // Молода нація. 2004. № 2(31), с. 77–78 (переиздание текста 1923 г.).

¹⁴ Ibidem, с. 78.

¹⁵ Ученый, разрабатывая классификацию форм государственного устройства, предложил добавить к классическим трем типам (федерация, конфедерация, унитарное государство) четвертый – империю (Норкус З. Непроголошена імперія: Велике князівство Литовське з погляду порівняльно-історичної соціології імперій / Пер. з лит. Петро Білінський. Київ, 2016, с. 139).

работы многих историков, он пришел к такому выводу: «достаточных аргументов считать ВКЛ федерацией мы не найдем. Между землями, которые были в составе ВКЛ, не было равенности. Метрополию <...> и земли-«анексы» <...> связывали отношения субординации. Русские земли не имели паритетного представительства в центральных органах власти ВКЛ или в его правящей элите. «Анекс» не есть равноправным членом складывающегося государства, как это должно было быть в федерации»¹⁶. Более того, ученый считает, что собственно аргументы сторонников «федеративного устройства ВКЛ <...> свидетельствуют о чем-нибудь другом, а именно демонстрируют не федеративный, а имперский характер ВКЛ»¹⁷.

Таким образом, краткий историографический обзор свидетельствует о том, что единого мнения о форме государственного устройства ВКЛ не существует. Теперь обратим внимание на Подольский регион.

После 1362 г. вследствие победы великого князя литовского Ольгерда в сражении на Синих водах¹⁸ эта территория вошла в состав ВКЛ¹⁹. По летописной информации на Подолье «со князя великого Олгирдивым презволением и с помочию Литовской земли» утверждается власть князей Кориатовичей²⁰. Именно это позволило им, по мнению С. Полехова, завершить «освобождение Подолья от татарской власти <...> и по соглашению с местной администрацией (атаманами) вокняжиться там»²¹. В то же время Я. Куртыка датировал начало пребывания князей Кориатовичей на Подольской земле концом 40-х гг. XIV в., связывая это событие с военным походом польского короля Казимира III в 1349 г.²² Эту же версию поддерживает современный

¹⁶ Ibidem, с. 256.

¹⁷ Ibidem, с. 264.

¹⁸ Подробнее об этом событии см.: *Черкас Б.* Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). Київ, 2014 (далее – *Черкас Б.* Західні володіння Улусу Джучи), с. 181–203.

¹⁹ Также существует мнение о возможном наличии некоего договора между великим князем литовским Ольгердом и фактическим правителем одной из частей Золотой Орды Мамаем, вследствие которого литовский господарь получил контроль над городами и территориями Подолья, южной Киевщины, Чернигово-Северщины и бывшего Переяславского княжества (*Шабульдо Ф.* Чи існував ярлик Мамає на українські землі? (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. Київ, 2005 (далее – *Шабульдо Ф.* Чи існував ярлик Мамає на українські землі?), с. 103).

²⁰ Супрасльская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XXXV. Москва, 1980 (далее – Супрасльская летопись), с. 66.

²¹ *Полехов С.* Летописная «Повесть о Подолье» // Древняя Русь. 2014. № 2(56), с. 49.

²² *Kurtyka J.* Podole pomiędzy Polską i Litwą w XIV i I połowie XV wieku // Kamieniec Podolski. Studia z dziejów miasta i regionu / Pod redakcją F. Kiryka. T. I. Kraków, 2000, s. 13.

ученый В. Михайловский, утверждая, что «сотрудничество [Кориатовичей. – Д. В.] с польским королем Казимиром III и Людовиком Венгерским укрепило западный вектор политики княжества»²³. Не углубляясь в дискуссию касательно этого вопроса, бесспорным является вывод о том, что в начале 70-х гг. XIV в. князья Кориатовичи основательно обосновались на территории Подольского княжества²⁴. Соответственно с этого времени можем говорить об особенностях государственно-правового статуса этого региона.

Главной проблемой решения этого вопроса остается, безусловно, ограниченное количество источников. Одним из первых документов, в которых Кориатовичи упоминаются как господа Подольской земли, является грамота Юрия и Александра от 7 января 1374 г.²⁵ У исследователей до сих пор нет единого мнения о том, получил ли Каменец этим документом собственно магдебургское право²⁶. На наш взгляд, стоит согласиться с мнением Е. Сицинского о том, что отдельные положения этой грамоты касались самоуправления, а «действительно магдебургское право было предоставлено Каменцу позже: в 1432 каменецкому войту была издана грамота, подтверждающая немецкое или магдебургское право»²⁷. Другой вопрос, кто именно мог пользоваться правами согласно документа 1374 г.: весь город или представители отдельных общин. Возможно, речь идет о выходцах из не-

²³ Михайловський В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI ст. Київ, 2012 (далее – Михайловський В. Еластична спільнота), с. 75.

²⁴ В этом месте важно отметить следующее. До времени прихода Кориатовичей, по исследованиям Б. Черкаса, эта территория под названием улус Курумышы была в составе Золотой Орды. Соответственно, власть литовских правителей после 1362 г. распространилась на весь улус. Однако, после упразднения Кориатовичей в начале 90-х гг. XIV в., частью территории (с 1395 г. так называемый улус Хурмадая южнее Синих Вод) начинают управлять эмиры с улуса Ногая. И только ярлыком Тохтамыша, уже во времена Витовта, «земли бывшего улуса Курумышы окончательно передаются под власть ВКЛ». Ученый также определил границы улуса и его территориально-административное устройство (Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи – с. 252–257).

²⁵ Отметим, что эта грамота сохранилась в нескольких списках и с разными датами. Наиболее подробно история документа описана в работе Е. Сицинского: *Сицинський Ю. Поділля під владою Литви / Упоряд. Д. Ващук, М. Мошак. Кам'янець-Подільський, 2009* (далее – *Сицинський Ю. Поділля під владою Литви*), с. 18–20. В то же время, один из польскоязычных списков был обнаружен нами в Государственном архиве Хмельницкой области. Именно на него и будут ссылки в настоящей публикации.

²⁶ Подробнее о дискуссии касательно этого вопроса см.: Крамар С. Місто Кам'янець на Поділлі у XIV–XVIII ст.: магдебурзьке право, судочинство та самоврядування громад. Історико-правовий нарис. Кам'янець-Подільський, 2010, с. 68–96; Пляменицька О. *Castrium Camenecensis. Фортеця Кам'янець (пізньоантичний – ранньомодерний час)*. Кам'янець-Подільський, 2012, с. 54–57.

²⁷ *Сицинський Ю. Поділля під владою Литви*, с. 25.

мецких земель или их потомках, поскольку, по исследованию В. Михайловского, именно так отождествляли себя «в течение XV в. каменецкие мещане, решившие перейти под городскую юрисдикцию Львова»²⁸.

Оставив открытым вопрос относительно точного пожалования Каменецкой магдебургии, сконцентрируем свое внимание на тех положениях грамоты, которые имеют непосредственное отношение к исследуемой проблеме. О том, что Юрий и Александр Кориатовичи были единственными властелинами Подолья, свидетельствует интитуляция: «*My Książ Jurgiey Kurijatowicz, Bożą miłością Książ u Hospodar Podolskiey ziemie, z Bratem swoim Kniaziem Alexandrem*»²⁹. Они же и выступали главными распорядителями земельного фонда, пожаловав городу «*a łanow dwieście y cztery daliśmy ku miastu, a między Mukszą y Bagowicą od Tarnawskiego Gosińca, las Odkorow, a ziemię te aż do Dniestra daliśmy ku miastu te im łany niemierzac, y daliśmy rzeki brzegu Dniestra od uścia Mukszy aż do uścia Bahowicy. A wyższe krom tego daliśmy ku miastu Pastwy wygon od mieyskiey krynicy do Mukszy, a Mukszą na doł do kniezich niw*»³⁰. Кроме этого, получателям грамоты были предоставлены некоторые права в области судопроизводства: «*A sądzic się im przed swym Prawem maią y swemi Raycami, a wojewodzie nietrzeba wstępować do tego niczego*». В случае возникновения спора между княжеским земянином или дворянином с мещанами, суд вершил воевода с войтом и т. д.³¹ Этот небольшой эпизод, связанный с судопроизводством, является для нас очень интересным. Во-первых, право на самоуправление, а в данном случае на некоторые его элементы, жаловалось от имени верховной власти. Во-вторых, упоминание «воеводы», который вместе с войтом был на второй ступени судопроизводства после князя, говорит о том, что в городах от имени Кориатовичей управляли их наместники, в данном случае – воеводы³². Это не было исключением того времени, а как раз подчеркивало независимость управления Кориатовичами своей землей.

²⁸ Михайловський В. Еластична спільнота, с. 31.

²⁹ Державний архів Хмельницької області (далее – ДАХО). Ф. 120, оп. 1, спр. 1631: «Дело о границах города Каменца-Подольского со смежными владельческими и казенными селениями». Начато 24 ноября 1799 г. Окончено 11 июня 1800 г., л. 20.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

³² Князь занимался исключительно теми делами, наказание по которым предусматривало смертную казнь: «*aż będzie ktory bojarzyn albo sługa Kniazy, albo ziemianin uczyniwszy w mieście winę, a z tey winy godzienby był śmierci, mieszczanie niemaia go sądzić, ale maią go dać w Kniaża kazń na zamek, aby go sam Książ sądził*». Он же, скорее всего, был и верховным судьей (ДАХО. Ф. 120, оп. 1, спр. 1631: «Дело о границах города...», л. 20).

Аналогичная интитуляция имеется и в следующем документе. 17 марта 1375 г. «князь Литовский, князь Олександр Корьятович, Божьей милостью князь и господарь Подольской земли» подтверждает право на владение млыном Церкви Божьей Матери в г. Смотрич³³. Практически не изменилась формулировка интитуляций и во время правления Константина и Федора Кориатовичей: „My knjaz' Kostjantin Korjatovič i brat naš knjaz' Fedor Korjatovič Bože milosti dedičeve i hospodareve Podol'skoj zemli“ (грамота от 19 сентября 1388 г.)³⁴; «Мы, княз Федоръ Корьятович, Б(о)жьєю м(и)л(о)стью дідичъ и господарь Подольскои земли» (грамота 20 июня 1391 г.)³⁵; „My kniaź Fedor Kuryatowicz Bożą miłością kniaź i hospodar ziemie podolsiěj“ (грамота 1 июля 1392 г.)³⁶; «Мы князь Федор Куриатович, Божюю милостью князь, господар Подолское земли» (грамота от 9 августа 1392 г.)³⁷.

В указанных грамотах Константина и Федора Кориатовичей также присутствует упоминание об существовании уряда «воеводы». К примеру, в пожаловании пану Немире на замок Бакоту (19 сентября 1388 г.) читаем: „a Nemira sam imeet suoi ludi pakli budet Nemiryn človек a inogož pana drugij človек i budut nuty sud promežy sebe sudity sja im pered svoimiž pany. Pakliby sami z pany того luda ne izmogli dopravity i dojdēt tot sud do naže albo do našego vоеvody, togdy nam vina i s того luda“³⁸. В подтвердительном пожаловании пану Гринку (20 июня 1391 г.) княжеским воеводам запрещалось вмешиваться во внутренние дела: «а лише того оу пана Гриньковы не надоб(е) нам ся вѣступати, ани нашим воеводам на его люди децког(о) слати»³⁹. Аналогичное положение присутствует и в грамоте 1392 г., пожалованной слуге Пашку Васневичу: «а опроч того не уступатися в Пашковы люди некоторому воеводе кромя Пашка або его людей. А Пашко маєт нам с того служити ани воеводе посылати децкого на Пашковы люди, або его люде»⁴⁰. То есть,

³³ Розов В. Українські грамоти. Том перший (XIV і перша половина XV в.). Київ, 1928 (далее – Розов В. Українські грамоти), с. 20.

³⁴ Tęgowski J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku // Teki Krakowskie. T. V. Kraków, 1997 (далее – Tęgowski J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej), s. 170.

³⁵ Груша А. Невядомая грамота Фёдора Карыятовіча 1391 г. // Беларускі Гістарычны Агляд. Т. 8. Сш. 1–2, 2001 (далее – Груша А. Невядомая грамота Фёдора Карыятовіча), с. 133.

³⁶ Źródła dziejowe. T. V. Lustracye królewsczyzn ziem ruskich Wołynia, Podola i Ukrainy z pierwszej połowy XVII wieku / Wydał A. Jabłonowski. Warszawa, 1877, s. 21.

³⁷ Мікульскі Ю. Новая грамота князя Фёдора Кориатовича 1392 г. // Беларуская даўніна. Вып. 1. 2014 (далее – Мікульскі Ю. Новая грамота князя Фёдора Кориатовича), с. 149.

³⁸ Tęgowski J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej, s. 170.

³⁹ Груша А. Невядомая грамота Фёдора Карыятовіча, с. 133–134.

⁴⁰ Мікульскі Ю. Новая грамота князя Фёдора Кориатовича, с. 149.

Немира, Гринко и Пашко в данных случаях получили право судить собственных подданных. Отметим, что это не было чем-то особенным. Более того, такая норма с середины XV в. присутствует уже в Волынской уставной грамоте⁴¹ и реально действует на Киевщине в конце XV в.⁴² Однако, пожалование подобного права было в компетенции верховного господаря⁴³. Поэтому, есть все основания говорить о политическо-правовом суверенитете Кориатовичей от центральной власти ВКЛ.

Подобный вывод можно сделать и касательно экономической деятельности. Предположение о существовании ежегодной выплаты дани великокняжескому «господарю», как и обязанность предоставлять военную помощь, источниками прямо не подтверждается. По летописным сведениям, именно князья Кориатовичи «пришли в Подольскую землю, от татар, и боскакомъ выхода не почали давати»⁴⁴. В то же время в грамоте Александра Кориатовича 1375 г. упоминается некая дань татарам: «Иже то, штож коли вси зємяне имуть давати дань оу татары, то серебро иміють тако же тии люди дати»⁴⁵. Аналогичное постановление присутствует и в пожалованиях Федора Кориатовича Пашку Васневичу и Немире⁴⁶. Также небольшое упоминание об оплате «выхода» присутствует в ярлыке хана Тохтамыша польскому королю Владиславу II Ягайлу (20 мая 1393 г.): «Нынї послал єсмь к вамь слуги наши Асана и Тулу Оужю то повідати вам, нашєму брату, абы то відали вы, што межи твоєї землі, суть княжнія, волости давали выходь Білої Ордї, то намь наше дайте, а што будет вашєї державы под нами, а мы за то не стоим: вам ищите своего, а мы вам дамо»⁴⁷. Таким образом налог,

⁴¹ *Vaščukas D.* Voluinės žemės privilegijos (XV a. II pusė – XVI a. pradžia): datavimo ir protografo problema // *Lietuvos istorijos metraštis*. 2003/1. Vilnius, 2004, p. 71–79.

⁴² *Lietuvos Metrika*. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2007, p. 114.

⁴³ Это касается не только нормы о подсудности подданных. Практически все артикулы, которые присутствуют в грамоте 1374 г., после упразднения в конце XIV в. удельных княжеств могли жаловаться только великим князем литовским.

⁴⁴ Супрасльская летопись, с. 66.

⁴⁵ *Розов В.* Українські грамоти, с. 20.

⁴⁶ «А также, што коли маюť вси зємяне дань давати в татары, тое маюť дати Пашковы люди» (*Мікульські Ю.* Новая грамота князя Фёдора Кориатовича, с. 149); „А також, štož koli vsi zemljane imut davaty dan' u Tatory, to srebro imjut daty Nemyryny lude” (*Tęgowski J.* Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej, s. 170).

⁴⁷ *Розов В.* Українські грамоти, с. 49. По мнению Ф. Шабульдо, в цитированном отрывке Тохтамыш обращается как минимум к двум личностям: Владиславу II Ягайлу и Витовту, хотя они в документе прямо не упоминаются (*Шабульдо Ф.* Чи існував ярлик Мамай на українські землі?, с. 110–111).

который собирався в качестве дани татарам, мог реально существовать не только на территории Подольской земли, но и всего государства в целом⁴⁸. Если это так, тогда открытыми остаются вопросы: кто его собирав, насколько князья Кориатовичи были зависимы в этом отношении от центральной власти и существовало ли в принципе какое-либо налогообложение населения Подольской земли в пользу великих князей литовских.

Единственной зацепкой для решения этих вопросов, на наш взгляд, есть упоминания в позднее время таких налогов как «татарщина» и «ордынщина». Однако, экономические исследования М. Довнар-Запольского говорят о том, что они не имеют прямого отношения к «дани татарам», упомянутой в документах Кориатовичей. Более того, текстуальный анализ некоторых грамот привел исследователя к следующему выводу: «татарская дань не платилась, но в полном освобождении от нея [о чем говорится в летописи. – Д. В.] ни князья, ни население не были уверены. Но раз князья освободили Подолию от дани татарам, то это вовсе не значит, что население перестало платить татарщину: она теперь шла в княжескую казну»⁴⁹. Также историк убедительно аргументировал вывод «об отсутствии преемственной связи между старой татарской данью и ордынщиной, которая шла на подарки и упоминки крымскому хану»⁵⁰. Похожего мнения придерживался и Ф. Леонтович. «“Дань в татары”, – писал ученый, – упоминающаяся в грамотах Кориатовичей (1375 и 1392 гг.), также “tributum Thartharorum” грамот Свидригайла (1405 г.) означали не старый “ордынский выход”, но лишь временные сборы с населения <...>, устанавливавшиеся, главным образом, на случай татарских набегов, на исправление замков и наем солдат, иногда даже на выкуп пленников, зачастую в то время попадавших в татарскую неволю и проч.»⁵¹. То есть, можем предположить, что князья Кориатовичи были единственными распорядителями поступавших в казну денег от так назы-

⁴⁸ Правда, упоминания о дани татарам отсутствуют в документах за 1374 и 1391 гг. Также, согласно исследованию Ф. Шабельдо, налогообложение в пользу Золотой Орды могло существовать до начала «великой замятни» в Золотой Орде, то есть до 60–70-х гг. XIV ст. Поэтому Тохтамыш своим упоминанием в ярлыке пытался вернуть «те политические и экономические взаимоотношения, которые были характерны для отношений Улуса Джучи с Великим княжеством Литовским и Польским королевством во время правления последних Батуидов» (Шабельдо Ф. Чи існував ярлик Мамай на українські землі?, с. 112). Соответственно, напрашивается вывод о том, что после указанного времени никакой «дани в татары» в прямом понимании этого выражения не было.

⁴⁹ Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского, с. 700.

⁵⁰ Ibidem, с. 701.

⁵¹ Леонтович Ф. Очерки по истории Литовско-русского права, с. 358–359.

ваемой «дани в татары». Это, в свою очередь, говорит об их экономической независимости от центральной власти.

Косвенным подтверждением такого вывода является деятельность Кориатовичей, направленная на развитие и укрепление городов. Об этом довольно убедительно написал летописец: «И на первое нашли собе твержю на реце на Смотричи, а в другом месте были черницы в горе, а в том месте наредили город Бакоту... И посекиши лес город муровали Каменец, и с того вси Подолски города уморовали и всю землю Подолскую осели»⁵². Современные археологические исследования говорят о существовании некоторых оборонных укреплений уже с конца XII в. как на территории крепости⁵³, так и на каменном острове⁵⁴, что, по сути, облегчало задачу Кориатовичам в развитии как города в целом, так и системы фортификационных сооружений. В подтверждение слов летописца отметим, что во время раскопок в Каменце-Подольском на ул. Зарванской, 7/1 в 2015 г. было обнаружено сооружение второй половиной XIV в., фундаментом для которого был собственно материк. Здесь же были найдены фрагменты керамических изделий и венчиков, датированных 60–80-гг. XIV в.⁵⁵

Экономическую независимость Кориатовичей подтверждает и факт чеканки в 70–80-х гг. XIV в. собственной монеты, так называемого «подольского полугрошика»⁵⁶. Именно с вхождением украинских земель в состав ВКЛ во второй половине XIV в. активизируется процесс возобновления собственной денежной чеканки. Если до этого времени для необходимости местных финансовых рынков чеканились регулярные официальные,

⁵² Супрасльская летопись, с. 66.

⁵³ *Виноградська Л., Болтанюк П.* Елементи фортифікації північного бастиону Старого замку Кам'янець-Подільського // *Археологія & Фортифікація Середнього Подністр'я: збірник матеріалів II Всеукраїнської науково-практичної конференції. Кам'янець-Подільський, 2012* (далее – *Археологія & Фортифікація Середнього Подністр'я*), с. 126–130.

⁵⁴ *Болтанюк П., Кулішова А., Мегей В.* Історія розвитку вірменського бастиону // *Археологія & Фортифікація Середнього Подністр'я*, с. 152–157.

⁵⁵ *Старенький І.* Археологічні дослідження на території Кам'янця-Подільського в 2015 р. // *Праці Центру пам'яткознавства: збірник наукових статей. Вип. 29.* Київ, 2016, с. 113. По указанному сооружению и находкам готовится более подробная публикация.

⁵⁶ *Погорілець О., Саввов Р.* До питання карбування монети на Поділлі в другій половині XIV ст. // *Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 13.* Київ, 2004, с. 144–156; *Погорілець О., Саввов Р.* Чеканка монети в Подольському князівстві во второй половині XIV в. // *Кринізназнавства і спеціальні гістаричні дисципліни. Науковий збірник. Вип. 4.* Мінск, 2008, с. 114–120; *Погорілець О., Саввов Р.* Монета и счетная единица Подольского княжества князей Кориатовичей (вторая половина 14 в.) // *Международная нумизматическая конференция: тезисы докладов.* Вильнюс, 2012, с. 116–119.

однако анонимные, подражания джучидским монетам, то с середины века монетный материал имеет особые «знаки собственности». Постепенно на монеты помещаются легенды и геральдические изображения/гербы, характеризующие собственно эмитентов – господарей земель. Кроме указанной чеканки Кориатовичей отметим также: киевские денарии Владимира Ольгердовича (60–90-гг. XIV в.)⁵⁷, северские монеты Дмитрия-Корибута Ольгердовича (70–80-гг. XIV в.)⁵⁸ и волынские «пенязи» Федора Любартовича (80–90-гг. XIV в.)⁵⁹. Таким образом, собственная чеканка выступает одним из индикаторов независимого политического и экономического положения некоторых украинских земель, в частности Подольской⁶⁰. Среди предпосылок этого явления следует отметить, главным образом, особенности хозяйственного развития, потребности рынка и эволюцию торговли, обусловленную географическим положением региона.

Также есть все основания предполагать о независимости Кориатовичей в вопросах внешней политики. Главной проблемой оставалось близкое соседство с Золотой Ордой⁶¹, поэтому именно это направление было доми-

⁵⁷ *Котляр М.Ф.* Нариси історії обігу і лічби монет на Україні XIV–XVIII ст. Київ, 1981, с. 240; *Kozubowski G.* Monety księstwa Kijowskiego w XIV w. // *Wiadomości Numizmatyczne*. R. XXXVIII, z. 3–4 (149–150). 1994, s. 127–130; *Климовський С.* Київські монети Володимира Ольгердовича: пріоритет політики чи економіка? // *Історико-географічні дослідження в Україні*. Вип. 10. Київ, 2007, с. 358–375; *Хромова І.* Сосницький скарб: до питання аналізу та класифікації монет Володимира Ольгердовича // *Український історичний збірник*. Вип. 13. Київ, 2010, с. 22–43.

⁵⁸ *Хромова І.* Монетне карбування на території Середнього Подніпров'я. Від наслідувань до офіційних емісій. Питання іконографії // *Український історичний збірник*. Вип. 15. Київ, 2012, с. 229–237; *Хромова І.* Сіверське карбування другої половини XIV ст. // *IV Міжнародна наукова конференція "Україна і Велике князівство Литовське в XIV–XVIII ст.: політичні, економічні, міжнародні та соціокультурні відносини в загальноєвропейському вимірі"* (Кам'янець-Подільський, 16–19 вересня 2015 р.): тези доповідей. Київ, 2015, с. 16–19.

⁵⁹ *Борейша Ю.* Волынские монеты Федора Любартовича в свете кладовых данных и реконструкции символики Галицко-Волынского государства. Минск, 2015, с. 270.

⁶⁰ Отметим также, что согласно современных исследований, оформление монет Кориатовичей «сугубо европейское, близкое по стилю к венгерским монетам XIV в. ...отчеканена более совершенно в техническом и художественном отношении по сравнению с монетами, чеканенными примерно в то же время в Киеве и Великом княжестве Литовском» // *Погорілець О., Саввов Р.* Монета Подільського князя Костянтина [Електронний ресурс]. Режим доступу: https://k-p.net.ua/istoriya_kamyantca/istoriya/190-moneta-podilskogo-knyazu-kostyantina.html (далеє – *Погорілець О., Саввов Р.* Монета Подільського князя Костянтина).

⁶¹ Подробнее о владениях Золотой Орды см.: *Черкас Б.* Західні володіння Улусу Джучи, с. 237–326.

нирующим на протяжении всего их правления. Кориатовичи сумели «до конца отстоять независимость подвластного им края, – тем более, что борьба с татарами велась Кориатовичами, по большей части, совершенно самостоятельно, на свой собственный страх и риск, без всякого участия в ней других литовско-русских князей»⁶². Мы почти не имеем прямых сведений об участии Кориатовичей в военных акциях ВКЛ. К примеру, в Никоновской летописи довольно детально описан поход Ольгерда на Москву 1368 г. Среди его участников мы не встречаем Кориатовичей: «а с нимъ брат его [Ольгерда. – Д. В.] Кестутей Гедименович, и сын Кестутіевъ Витовтъ, тогда еще младъ и неславень, и сынове Олгердовы, и вси князи Литовскіи»⁶³, и князь великій Михайло Александровичъ Тверскій, и Смоленская рать»⁶⁴. Также отсутствует упоминание о Кориатовичах и в сражении под Мстиславлем на Смоленщине в 1387 г.: «и узреша Смолняне в поле стяги Литовскія рати. В первомъ же полце бе князь великій Скиргайло Олгердовичъ, а въ другом полку брат его князь Корибутъ Олгердовичъ, а въ третіемъ полку брать ихъ князь Семен Лугвень Олгердович, а четвертый полкъ Витовтъ Кестутьевичъ со множеством, бесчисленными силами Литовскими»⁶⁵. В нашем распоряжении есть несколько упоминаний об участии князей Кориатовичей в совместных с литовскими князьями военных экспедициях. Первое – это битва на Синих водах. Однако, при описании сражения они обозначены как предводители новгородцев⁶⁶, что ставит под сомнение присутствие Кориатовичей на Подолье до 1362 г. Второе связано с сообщением Рогожского летописца о большом походе армии ВКЛ на татар в 1374 г.: «Того же лета весенине ходили Литва на Татарове на Темеря, и бышетъ межи ихъ бой»⁶⁷. Как видим, в этом отрывке вообще нет сведений об его предводителях. По версии Б. Черкаса, речь может идти о еще более масштабном сражении,

⁶² Леонтович Ф. Очерки по истории Литовско-русского права, с. 357.

⁶³ Возможно, что под эту формулировку попадают и Кориатовичи. Однако, на наш взгляд, это маловероятно. Учитывая их прямые родственные связи с Ольгердом, летописец просто не мог их не обозначить.

⁶⁴ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897, с. 10.

⁶⁵ Ibidem, с. 91–92. В Виленской летописи в рассказе об этом походе упоминается некто Константин: «И зъжалився великий князь Скиргайло, поиде з братьею своею, с великим князем Витовтом и с Костентином, и с Корибутом, и с Семеном и с Локвенем...» (Виленская летопись // ПСРЛ. Т. XXXV. Москва, 1980, с. 88). Это же имя, как и описанный эпизод, встречаются и в других летописях. Однако, более точные сведения для его идентификации как Кориатовича отсутствуют.

⁶⁶ Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи, с. 199.

⁶⁷ Летописец Рогожский // ПСРЛ. Т. 15. Петроград, 1922, с. 106.

нежели Синеvodское, и, что самое интересное, с теми ж самыми тьмами⁶⁸. Поэтому, учитывая факт общей границы Подолья с Золотой Ордой, трудно себе представить, что эта военная экспедиция могла обойтись без одного из Кориатовичей. В третьем упоминании речь идет о помощи Любарта Гедиминовичу в завладении замками Кременцем, Олеском, Перемилем, Городлом, Лопатином и Снятином в 1382 г.⁶⁹ Однако здесь может иметь место обычная соседская или союзническая помощь.

Последний эпизод напрямую связан с возможной ленной присягой Александра и Бориса Кориатовичей венгерскому королю Людовику в 1377 г., о чем довольно подробно писал Г. Ловмянский. По его мнению, в этом году Подольское княжество вместе с 11 городами было инкорпорировано в состав Венгерского королевства⁷⁰. Эту идею поддержал и В. Михайловский, который объясняет отсутствие Кориатовичей в военных экспедициях литовских князей «Кейстута, Любарта, Ягайла и Витовта на русские и польские земли до смерти Людовика Венгерского 1382 г.» именно их ленной зависимостью, а поэтому «были верны присяге новому господарю»⁷¹. Еще одним аргументом в пользу версии о ленных взаимоотношениях Кориатовичей с венгерским королем есть наличие на реверсе монеты Константина Кориатовича герба правящей династии Анжу в Венгрии⁷². Однако, по нашему мнению, это вовсе не означало инкорпорацию Подолья в состав Венгерского королевства, как предполагал Г. Ловмянский⁷³. Кориатовичи были полностью самостоятельными как в вопросах внутренней, так и внешней политики. К примеру, Борис Кориатович принимал непосредственное участие в переговорах о заключении польско-литовской унии в Крево в 1385 г.⁷⁴ Юрий Кориатович на конец 1374 г. окончательно утвердил свою власть на территории Восточной Молдавии и всего Поднестровья. Однако, после его скорой смерти (конец 1374 – начало 1375 г.), «Подольское княжество потеряло контроль над Молдавией, хотя и продолжало удерживать, что сопровождалось постоянной конфронтацией с ордынцами»⁷⁵.

⁶⁸ Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи, с. 201–202.

⁶⁹ Tęgowski J. Wydarzenia na Rusi w drugiej połowie 1382 r. // Cracovia. Polonia. Europa. Studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Jerzemu Wyrozumskiemu w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin i czterdziestolecie pracy naukowej. Kraków, 1995, s. 301–305.

⁷⁰ Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999, s. 59.

⁷¹ Михайловський В. Еластична спільнота, с. 53.

⁷² Погорілець О., Саввов Р. Монета Подільського князя Костянтина.

⁷³ Юридическая и фактическая стороны этого вопроса еще ожидают своего исследователя.

⁷⁴ Полехов С. Летописная «Повесть о Подоле» // Древняя Русь. № 1(55). 2014, с. 39.

⁷⁵ Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи, с. 202.

Самостоятельность и независимость Кориатовичей не могли долго оставаться непосягаемыми. Речь идет об летописном известии военного похода на Подолье в 1393 г.: «А в тые лета князь великий Витовт господарем стал на Литовской земли, и Подольская земля не хотела была послушна быти [выделение наше. – Д. В.] князя великого Витовта и Литовской земли, **как же перед тым послушна была** [выделение наше. – Д. В.]. И князь великий пошел со всеми силами литовскими к Подолью. И то вслашал князь Федор Корятович, выбег с Подолской земли ко Угром»⁷⁶. Этот эпизод с незначительными изменениями присутствует и в других летописях⁷⁷. Исключение составляет только Слуцкий список: «А в тьи лета князь Витовт господарем стал на Литовской земли, и Подольская земля не хотела была послушна быти князя великого Витовта и Литовской земли, **как же перед тым послушна не была** [выделение наше. – Д. В.]»⁷⁸. И князь великий пошел со всеми силами литовскими к Подолью. И то услышав князь Федор Корятович выбег с Подолской земли ко Угром»⁷⁹. Летописные упоминания подталкивают к вопросу: была или не была Подольская земля «в послушании» литовского великокняжеского двора. Другими словами, существовала ли какая-либо (политическая, экономическая, правовая и т.п.) зависимость Подолья от ВКЛ на момент военной акции 1393 г., что, собственно, и определяло его государственно-правовой статус.

В контексте указанного эпизода отметим, что в историографии существует мнение о том, что не Витовт возглавлял этот поход. Одним из первых его сформулировал А. Прохаска, который утверждал, что руководителем акции был король Владислав-Ягайло, а поводом была ленная присяга Ф. Кориатовича венгерскому королю⁸⁰. Эту версию, с некоторыми дополнениями, поддерживает современный ученый Я. Тенговский. По его мнению, поход состоялся между 11 октября и 5 ноября 1394 г., а польский король

⁷⁶ Супрасльская летопись, с. 66.

⁷⁷ Летопись Красинского // ПСРЛ. Т. XXXV. Москва, 1980, с. 139; Летопись Рачинского // ПСРЛ. Т. XXXV. Москва, 1980, с. 160; Ольшевская летопись // ПСРЛ. Т. XXXV. Москва, 1980, с. 186–187; Румянцевская летопись // ПСРЛ. Т. XXXV. Москва, 1980, с. 207.

⁷⁸ На это отличие в свое время обратили внимание С. Полехов (*Полехов С.* Летописная «Повесть о Подолье» // Древняя Русь. № 1(55). 2014, с. 36) и А. Лицкевич (*Лицкевич А.* «Аповесць пра Падолле»: судносіны спісаў першай рэдакцыі верагоднасьць паведамленьня пра князя Канстанціна Карыятавіча // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*. Т. III. Київ, 2015, с. 292).

⁷⁹ Слуцкая летопись // ПСРЛ. Т. XXXV. Москва, 1980, с. 74.

⁸⁰ *Prochaska A.* Podole lennem Korony 1352–1430 // *Rosprawy Akademii Umiejętności. Widzial Historyczno-Filozoficzny. Seria II. T. VII.* Kraków, 1895, s. 260, 262.

имел к нему непосредственное отношение⁸¹. Если принять во внимание тот факт, что у нас нет документального подтверждения присяги Кориатовичей на верность Владиславу-Ягайлу, как это сделали другие удельные Гедиминовичи⁸², и учитывая наше предположение о независимом статусе Подольского княжества, то вывод о причине военной экспедиции на Подолье сделать несложно. И наиболее выгодна она была именно Владиславу-Ягайлу. Не потому ли 9 июля 1403 г. уже бывший князь Подолья Федор Кориатович (*“Nos Theodorus Coriatovicz Dei gratia quondam dux Podolie”*) обещал ему, а не Витовту, не выступать против Королевства Польского, Литвы и Подолья?⁸³ Как бы там не обстояло дело с указанным эпизодом, единственное, что не вызывает сомнений, это прекращение правления дома Кориатовичей на Подолье после 1394 г. В этом отношении трудно не согласиться с выводами Н. Молчановского: «Мы видим, что до этого последнего события [ликвидация правления Кориатовичей на Подолье. – Д. В.] о серьезных притязаниях Польши или Венгрии на подольские окраины не может быть и речи. Корьятовичи могли входить в сношения с Польскими и Венгерскими королями, могли искать их дружбы и поддержки, заводили торговые связи с закладом и т. д., но самое Подолье, населенное по преимуществу русским племенем, занимало при Корьятовичах политически самостоятельное положение... Разнообразные притязания соседей на подольскую окраину поднялись только по завоевании ее Витовтом»⁸⁴. В результате независимый статус княжества был упразднен, а между Витовтом и Ягайлом началась борьба за владение территорией. Это, в свою очередь, привело к изменению формы государственного устройства всего ВКЛ.

Подведем итог изложенного выше. По нашему мнению, анализ источников дает все основания предположить, что князья Кориатовичи во время княжения в Подольской земле сумели достичь суверенитета от центральной власти ВКЛ. Это выражалось в их правовой, политической, военной, экономической и культурной деятельности. Все, что связывало Кориатовичей с ВКЛ, это только их принадлежность к правящей династии Гедиминовичей. Не ограничилась их независимость и после принесения ленной присяги Людовику Венгерскому. Именно их самостоятельное правление, на

⁸¹ *Tęgowski J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej*, s. 164.

⁸² Этот факт подробно описан В. Михайловским (*Михайловський В. Еластична спільнота*, с. 58–59).

⁸³ *Tęgowski J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej*, s. 173.

⁸⁴ *Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (преимущественно по летописям)*. Киев, 1885, с. 226–227.

наш взгляд, и стало главной причиной военной экспедиции осенью 1394 г., в результате которой власти Кориатовичей на Подолье, как в принципе и других удельных Гедиминовичам украинских земель, пришел конец. Таким образом, в ВКЛ начался длительный процесс реформирования государственного устройства, главной целью которого было укрепление центральной великокняжеской власти и, соответственно, упразднение удельных княжеских династий.

KAI KURIE PODOLĖS KUNIGAİKŠTYSTĖS VALSTYBINIO TEISINIO STATUSO XIV AMŽIAUS ANTROJOJE PUSĖJE KLAUSIMAI

Dmytro Vashchuk

Santrauka

Straipsnio tikslas – išanalizuoti ir apibūdinti Podolės valstybinį teisinį statusą Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje (LDK). Tema aktuali todėl, kad istoriografijoje vis dar nėra vienos nuomonės tiek apie visos LDK, tiek apie atskirų jos žemių / kunigaikštysčių valstybinės santvarkos tipą. Podolės istorija XIV a. antrojoje pusėje susijusi su Karijotaičių dinastijos (konkrečiai su Lietuvos didžiojo kunigaikščio Algirdo sūnėnų Aleksandro, Jurgio, Konstantino ir Teodoro) valdymu. Metraščių ir aktų analizė suteikia pagrindą teigti, kad Karijotaičiai, kunigaikštaudami Podolės žemėje, sugėbėjo iš centrinės LDK valdžios išsikovoti suverenitetą. Tai pasireiškė jų teisinėje, politinėje, karinėje, ekonominėje ir kultūrinėje veikloje. Su LDK Karijotaičius siejo tik priklausymas valdančiajai Gediminaičių dinastijai. Jų nepriklausomybė nebuvo apribota ir po leninės priesaikos Liudvikui Vengrui. Mūsų nuomone, būtent jų savarankiškas valdymas tapo pagrindine karinės ekspedicijos 1394 m. rudenį priežastimi. Šios ekspedicijos pasekmė – Karijotaičių valdžios Podolėje (kaip ir kitų Gediminaičių ukrainietiškoje žemėje) pabaiga.

Iš rusų kalbos išvertė I. Valikonytė